

Дверь

*Два стоят, два лежат, пятый ходит,
шестой водит, седьмой песенки поет
(Дверь)*

Дверь — вещь особенная. Будучи феноменом *перехода через границу*, она связывает пространства вещей. Причем двояким образом: отпирая и запирая границу. Впуская, дверь открывает доступ к другим вещам, запирая, она охраняет их от посягательства. В этом ее особое, если не привилегированное, положение в системе вещей.

В своем исходном и двояком значении дверь есть не только *проем* (пробел, брешь в границе), но и то, *что его закрывает*. Этим дверь отлична от арки. Хотя, утверждая так, мы еще находимся в сфере обыденного истолкования, ибо отличие здесь поверхностно. Если же приблизиться к сути дела, то дверь, как и арка, — это прежде всего *отверстие*, т. е. нечто такое, что создается отворением того, что изначально затворено. Арка получает свое бытие из раскрытия материальной структуры, опосредованного нарушением границы. Проходя сквозь арку, мы вторгаемся в область, которая изначально полагается как лежащая за преградой. Арка поэтому есть не что иное, как прямое и откровенное в своей простоте раскрытие преграды. Но то же самое можно сказать и о *проеме*. Проем возникает в результате изъятия куска или фрагмента некой естественной или искусственной среды. Слово «изымать» образовано от глагола «имать» — брать. Отсюда происходят «выемка», «яма», «емкость» — слова, обозначающие незаполненное полое пространство изъятых структуры. И проем, и отверстие являются феноменами размыкания, разжатия и выпростания того, что первоначально пребывает как замкнутое *в-себе*. Именно размыкание структуры создает форму вмещающей пустоты, готовую для заполнения. Это служит нам указанием к тому, что в отверстии, арке или дверном проеме всегда что-то *является*. И даже если это что-то не явлено актуально, они все равно содержат возможность такого явления. То же самое можно сказать о дыре. Дыра — не

просто прореха в структуре. Дыры *зияют*, являя собой присутствие самого отсутствия. Зияние — это явление пустоты, нехватки, которую дыра делает зримой или осязаемой. Зиять — то же самое, что дыреть. Остается только сожалеть, что столь богатое семантикой слово исчезает из современного словаря.

Зиять, дыреть,
В какой-нибудь дыре дуреть,
Явиться в полном запустении...

Итак, дверь является дырой, а дыра — дверью. То есть для того чтобы дверь вообще *имела место*, необходимо разжатие структуры, простой акт ее впускающе-выпускающего раскрытия. Однако для сущностного определения этого еще недостаточно. Для того чтобы дыра *стала* дверью, должно быть выполнено еще одно условие — собственно сам акт перехода *за*, трансцензус. Впускающе-выпускающее раскрытие преграды дает о себе знать в решимости прохождения через нее: «Желаю выйти тутаво. Рубите дверь по мне!». Или как это происходит в известной отечественной комедии, где герои конституируют «дверь» приказом шагать сквозь стену: «Видишь цель? Вижу! Веришь в себя? Верю!». Иными словами, *онтическое* понятие двери как *места раскрытия структуры* должно быть дополнено ее *онтологическим* анализом как *места перехода через границу*. В этом переходе есть *событие* двери. Точно так же Хайдеггер, говоря о чаше, указывал на то, что она как вмещающая емкость свершается в событии подношения¹.

Если призвать в помощь аристотелевские термины, то следует сказать, что отворение двери производит ее как действующая причина. Формальная и материальная причины даны нам в виде проема или отверстия в какой-либо материальной структуре. Что же касается целевой причины, то здесь мы вынуждены вернуться к началу нашего рассуждения: *то, для чего* дверь — пропуск в некую отграниченную область сущего, осуществляемый в переходе. Переход через границу есть *тело* двери, благодаря которому она как вещь приобретает законченность. Даже если за дверью ничего нет, она все

¹ См.: Хайдеггер, М. Время и Бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 316–326.

равно остается дверью (в этом случае дверью в никуда). Данное телеологическое определение с очевидностью демонстрирует следующий эксперимент: к глухой стене приставлена дверь с красноречивой надписью «За этой дверью ничего нет!». Однако любопытные прохожие совершают характерное действие — открывают дверь, чтобы лицезреть это ничто.

В таком раскрытии заключен простой *онтический* смысл, которому дверь обязана как некая вещь. Сказав, что данное понимание должно быть дополнено онтологическим аспектом *перехода*, мы отнюдь не обесценили этот онтический смысл. Напротив, подчеркнув, что событие перехода имеет *место*, мы проявили дополнительное внимание к наличному бытию двери. Двойное значение — проем (дыра, отверстие) и то, что его закрывает, происходит из того, что дверь входит в структуру границы, имеющей характер наличного. Все границы наличны. Дверь, просто-напросто, есть подвижный (то открывающийся, то закрывающийся) фрагмент границы, служащий для пропуска на заграничную территорию. И если открывание двери границу фрагментирует (что наглядно демонстрируют принятые обозначения на чертежах комнат), то запираание двери вновь ее восстанавливает.

На что еще указывает дверь как феномен границы?

На то, что она, разделяя, сочленяет. Если в отношении границы — это пространства по-границья и за-границья, то в отношении самой двери это территория пред-дверия и за-дверия. Онтико-онтологическое истолкование двери как места размыкания границы и перехода из одного пространства в другое требует, таким образом, рассмотрения структуры *преддверие-дверь-задверие*.

И. Преддверие

«И когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко, при дверях». — Марк. 13, 29

Преддверие как таковое создается пребыванием чего-то перед дверью. То, перед чем дверь, — это всегда мы сами в окружении определенного. В отличие от потустороннего *задверия* *преддверие* — это регион сущего, который более или менее нам известен и нами освоен. Напротив, то что скрывается за дверью, всегда в какой-то мере неопределенно и таинственно. Даже если речь идет об известных и обжитых

нами местах: дом, офис, школа или церковный приход. Наше повседневное бытие в мире, как учит идущая от Мида и Шюца социологическая традиция, основано на рутинных взаимодействиях и подтвержденных ожиданиях. Но даже в обыденности следует быть чутким и осторожным, ибо то, что нас ожидает за дверью, мы, *в конечном счете*, узнаем, только переступив ее порог.

Вместе с тем дверь является таинственной ровно настолько, насколько таковым представляется мир *по ту* сторону двери. В этом отношении преддверие всегда проигрывало задверию. Задверие вообще — вещь странная, причем в буквальном смысле: нахождения на «той стороне». Эта странность не преодолевается даже в том смысле, что, войдя, мы оставляем дверь за спиной, ибо стоит нам обернуться, как мы вновь перед ней. Проникнув «по ту» сторону двери, мы оказались в пространстве «по сю» сторону, и мир за дверью вновь наполнился гулом бытия, потонув в ауре неизвестности.

Речь, разумеется, не идет о чисто транзитивных отношениях между преддверием и задверием. Дело вовсе не в формальном смысле этого «за» или «перед». Нет никакого смысла говорить о потустороннем мире, если, вступив в него, мы находим все то же самое. Преддверие и задверие должны различаться онтологически, а это значит, что в характере бытия «за» и «перед» должна быть найдена фундаментальная разница.

Об этой разнице мы впервые узнаем из религиозных и философских текстов. Для примера возьмем наиболее важный, с точки зрения определяющего воздействия на философскую традицию, текст поэмы Парменида «О природе». В первой части этого произведения, называемой «Прозмий», что в буквальном переводе означает «преддверие», автор рисует картину путешествия героя к «воротам путей Дня и Ночи». Эти врата служат местом разделения мнимого и истинного миров и перехода из одного в другой. *По эту* сторону — ложный обыденный мир смертных, где имеют место конечность, гибель и распад сущего. *По ту* сторону — мир истинного бытия, где царят вечный покой и совершенное единство. Это мир божественной размерности, в которую человек может войти, лишь свернув с «людской тропы», т. е. перестав мыслить человеческим образом. Выражаясь слова-

ми Гегеля, это мир, перевернутый и поставленный на голову. Парменид же характеризует его так: «Воистину он загражден тропе человеков»². Иными словами, условием (экзистенциальной предпосылкой) вхождения в место пребывания истины является преобразование души, опыт утраты освоенного, но в то же время утратившего бытийную силу порядка вещей, т. е. своего рода чистилище.

Но что находит герой *там*, за дверью? Собственно говоря, *ничего*. Ничего из состава наличного опыта. Если бы Пармениду неким фантастическим образом был привит вкус к анализу постмодернистских коллизий, то он, наверное, вложил бы в уста богини Дикэ не приветственное «Радуйся, юноша!», а предупреждающее «За этой дверью ничего нет!». Нет ничего, кроме пустой области метафизического вопрошания, которую Парменид приоткрыл для европейской метафизики. В поэме эта область *зияет* в раскрывшихся створках ворот, символизируя собой пробел в структуре повседневности: «И они тотчас распахнулись и сотворили зиянье широкого разверстие створов»³. Эта прореха в структуре наличного мира отсылает к *бытию как таковому*, не знающему разделения, не имеющему внутренних и внешних границ, а следовательно, дверей и переходов. За парменидовыми вратами — сплошной и однородный мир бездверия.

Напротив, в мире, который Парменид связывает с «путем мнения», — сплошные переходы. По этой причине последний и есть *путь* в собственном смысле слова, поскольку предполагает множественность точек и возможность движения. А поскольку истинный мир не знает ни того, ни другого, то выражение «*путь истины*» оказывается чистым недоразумением. Правильным с точки зрения парменидовской онтологии является выражение «*путь к истине*», которое означает, что наше движение к ней все еще лежит в области мнения — в проэмии. Точно так же и у Платона: выход из пещеры мнимого бытия к объективному *благу* представляет

² Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М. : Наука, 1989. С. 287.

³ Там же. С. 295.

собой серию переходов внутри самой пещеры, которая, как это странно не звучит, становится преддверием.

Из сказанного следует, что онтологически мир преддверия создается тягой за горизонт, стремлением вступить в отношение с потусторонним миром. Поэтому преддверие — это место внутренней сборки, место приготовления, выдвижения и приближения к решающему событию *за*. Стремительный бег колесницы в «Проэмии» и поступательное движение философа в платоновском мифе о пещере имеют общий мотив по-двига: смещения и блуждающего перехода. Мир преддверия — область мытарств и скитаний, заблуждения и греха. Это мир истории. В отличие от «плоского» задверия он имеет глубину. Перед какой бы дверью мы не оказались, оглянувшись назад, мы можем обозреть пройденный нами маршрут.

В преддверии мы подвижны нуждой, тоской и любопытством. Нас тянет за дверь. Но именно в преддверии чего-либо мы чаще всего останавливаемся. Иногда боимся, иногда просто не смеем шагнуть, как это происходит с героями фильма Тарковского «Сталкер», которые, пройдя лабиринт преддверия (настоящее чистилище), останавливаются перед заветной дверью, за которой должны исполниться самые сокровенные желания.

Заминка перед дверью — ключевой момент преддверия. У нее может быть множество причин, в том числе утилитарных: подбор ключей, торжественное перерезание ленточки, проверка документов, личный досмотр и т. п. Заминка перед дверью обусловлена тем, что пересечение границы требует *прав*, которые либо получают (испрашивают), либо берут сами. Переступание через порог делает нас виновными, вводя в правовое поле. Несанкционированный вход может быть квалифицирован как административное (или какое-либо другое) нарушение, а взлом — как уголовное преступление. Вот почему даже в открытую дверь ломятся или стучат. Стук в дверь — основной феномен преддверия, также как, впрочем, подслушивание или подглядывание сквозь щель, глазок или замочную скважину. В преддверии мы сталкиваемся с областью запретов, ибо здесь царят нужда и любопытство. Замок, наложенный на дверь, а так же прочие атрибуты ограниченного доступа — цепной пес, звонок и камеры слежения —

конституируют дверь как привилегированный и вожделенный объект, а преддверие — как место объявления тайных желаний и явных запретов. Ключевым моментом нашего преддверного существования, таким образом, становится общение с замком или привратником (дверником, швейцаром, секьюрити, вахтером).

В лице привратника (чудища или человека) мы находим дверного медиума, в ментальную среду которого вмонтирована программа распознавания «свой / чужой» и инструкция «впускать / не впускать». В лице привратника мы получаем персонифицированную дверь. Она не откроется, если не наш визит не соответствует протоколу, если не будет произнесен пароль («Сим-сим, откройся!»). Зачастую несанкционированное прохождение двери становится только через труп привратника (отсюда выражение «Только через мой труп!»), через который победитель перешагивает, как через дверной порог. Значительность фигуры привратника определяется значимостью двери и всего задверного мира. Если это небесные врата, то в качестве медиума выступают боги или архангелы, пророки или святые. «Я дверь овцам — говорит Христос. — Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет» (от Иоанна. 10, 7-9).

Рассуждая о преддверии, мы, собственно, давно уже стоим возле двери, говоря о ней самой.

II. Сама дверь

«Стучите, и отворят вам». — Матв. 7,7

По сути, мы уже сказали о двойственной семантике двери, в силу которой она выступает в двух своих ипостасях: как *отверстие* и как *затвор*.

В качестве отверстия дверь присутствует в самом анатомическом коде человека: в уподоблении глазам, рту, анусу или женскому детородному органу. Иллюстрацией таких аналогизирующих переносов является целый ряд пословиц и поговорок: «закрывать рот на замок»; «чужой рот — не свои ворота, не затворишь»; «как открывается дверь, так бы отворилась и эта жена». Обычай закрывать веки усопшим — древнейшая общекультурная норма, связанная с поверием, будто глаза покойника являются дверью в мир мертвых. Терминологическое замещение «вагинального» и «анального» отвер-

ствий «дверным» — характерный прием культурной кодировки табуированных терминов. В этом смысле Фрейд, истолковавший дверь как феномен бессознательной символизации вагины и как наиболее повторяющийся элемент в символике сновидений, не предложил ничего экстраординарного. Он просто спроецировал на уровень бессознательного «официальный» и многократно испытанный (в христианских хрониках или новеллах эпохи Ренессанса) *язык условностей*. Скандально знаменитые средневековые пояса верности с их хитрыми замками и ключами уже *повторно* конституируют вагинальное отверстие как дверь.

В другой своей ипостаси — в качестве затвора — дверь представляется преимущественно искусственной вещью, как произведение «второй» природы. Дверью мог служить большой камень, которым древний человек затворял вход в пещеру, или обтесанная плита, охраняющая тело умершего в гробнице. Греческое *θυρα* (дверь) и *θυρεοζ* (камень, прямоугольный щит) имеют общую корневую основу. Таким камнем, согласно евангелистам, была заперта пещера, в которую после смерти было погребено тело Христа.

В процессе совершенствования функции охранения дверь постепенно приобретает ту *оснастку*, которая затем, эмансипуясь от собственно технической стороны дела, прочно входит в символику двери. Посаженная на поворотные петли, дверь становится *воротами* (от глагола «вращать»). Оснащенная всевозможными щеколдами, засовами и замками, она становится *затвором* (крепостью). Наконец, модернизированная встроенными глазками и камерами наружного наблюдения, она приобретает функцию *окна* в паноптикуме современной культуры.

Оппозиция дверей и окон, где окно преимущественно служит для пропуска света, а дверь для пропуска телесных предметов, весьма условна и носит характер культурной нормы. И окно, и дверь есть, прежде всего, феномены перехода через границу, в силу чего они оказываются функционально взаимозаменяемыми. Это обстоятельство точно подмечено в некоторых пословицах: «Заступи черту дверь, а он в окно»; «Муж в двери ногою, а жена в окно и с головою». Строго говоря, окно производно от двери, причем не только в сущностном, но и в утилитарном смысле. Это та же поворачива-

ющаяся в петлях и запирающаяся на щеколду дверь. Ставки (приставленные снаружи дверцы) и форточка (дверь в окне) лишь подчеркивают эту производность.

Всеми названными свойствами дверь обладает в силу того, что она является местом отмыкания и замыкания границ и таким образом *складкой* по- и за-границной территорий. Из этой складки и рождаются те многочисленные значения, которые связаны со словом «дверь». В латинском языке эта складка запечатлена в самой лингвистической форме. Слово «*foris*», помимо значения «дверь», имеет также значение «вне, снаружи», нахождения «за пределами отечества» или «за городом». От него образовано слово «*forensic*» — «внешний, иноземный». Однако, связывая пограничные территории (области), дверь становится местом их сборки — областным центром. Отсюда вытекает другое значение прилагательного «*forensic*» — «рыночный, ярмарочный», что связано с тем, что рынки и ярмарки первоначально устраивались за чертой города или деревни, иногда прямо за городскими воротами. Слово *forum* обозначая сначала рыночную площадь, а затем центр общественной, политической, судебной и деловой жизни города, одного корня с *foris*. Форумом также именовалось преддверие гробницы. Таким образом, и в том, и в другом значении слово «форум» означает некую область при дверях. Наконец, единую корневую основу со словом «дверь» имеют такие слова как *foramen* — «дыра, отверстие, яма» и *fornix* — «свод, арка; крытый ход»⁴. *Fornix* также имеет значение «развратника», т. е. человека перешедшего границу общественных норм и преданного от-вращению. (Первоначально, видимо, развратным считался человек, исключенный из общества, получивший, как говорится, «от ворот поворот», ставший чужим и живущий на задворках развратным способом).

Удивительно, что столь сложная семантическая складка осуществляется простым отворотом двери.

Однако, как мы уже отметили выше, окончательно, т. е. телеологически, дверь сбывается в переходе, в частности в

⁴ См.: Толстая, С. М. Дверь // Славянские древности. Т. 2. М., 1999.

перешагивании через порог, который символизирует собой дискретную область границы. Перешагивание есть акт дискредитации порога (границы). Именно это имеет в виду пророк Мухаммед, когда чертит пальцем ноги линию на песке, призывая своих последователей переступить через нее. Линия здесь символизирует дверь в новый мир, а переход — дискредитацию границы. Быстроногий Ахиллес в рассуждениях Зенона потому не догонит черепаху, что в постулированном элеатами пространстве бездверия невозможен переход и, соответственно, принцип нарушаемости границ. Когда Христос говорит: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется», он всего-навсего требует дискредитации тех границ, в которых человек сам себя держит. Христос поэтому есть *пограничник наоборот*: его миссия не в том, чтобы «держатъ границу на замке», а в том, чтобы совершить ее раскрытие. Точнее было бы сказать, что он диверсант и провокатор (в исходном смысле латинского *pro-vocatio* — воззвание, вызов) или просто *заграничник*.

III. Задверие

*«Я отворил перед тобою дверь,
и никто не может затворить ее».* — Откр. св. Иоанна. 3, 8

Итак, «задержавшись в дверях», мы незаметно подошли к третьей части нашего рассмотрения — к задверию. Теперь самое время спросить: а что там, за дверью?

Да, собственно говоря, — сама дверь, только с обратной стороны. Однако мы уже договорились, что нас интересует не формальный, а событийный смысл этих «за» и «перед».

Коль скоро двери отпираются и запираются, ограничивая доступ «на ту» сторону, задверие необходимо понимать как сферу *сокрытого* (таинственного) и *оберегаемого*.

К сокрытому относится то, что мы сами скрываем, называя это интимным, приватным или частным, и то, что и без того является сокрытым — священное. Сокрытое в обоих смыслах является оберегаемым. *Самое свое* мы бережем так же, как святое. Сокрытие и оберег, таким образом, раскрывают задверный мир как существующий в двух привилегированных формах — *приватного* и *сакрального*. Если домашняя дверь разделяет пространства приватного и публичного, то дверь культового сооружения, будь то надгробная плита или

церковные ворота, является местом перехода из профанного мира в сакральный. Закрыв за собой домашнюю дверь, мы покидаем пространство покоя, тишины и уединения, отправляясь в публичный мир странствий и переходов, в мир шумных самопредъявлений и борьбы. Оставив за спиной церковные врата, мы попадаем туда же, но как бы с другого «входа». В соответствии с принятой нами топологией двери, профанное и публичное простираются в области преддверия.

Если в преддверии мы *все еще* вне дома, в пути, в переходе, то в задверии мы у себя дома. Если говорить об этом в терминах Хайдеггера, то основной характеристикой преддверного мира являлась заброшенность и соответствующая тяга домой. Дом — это жилище, т. е. обжитое и освоенное пространство нашего защищенного пребывания за дверью. Дверь дома впускает в охраняемое ею пространство *своего*, собственного. Здесь, в отличие от публичных мест, мы снимаем маски и позволяем себе быть такими, каковыми мы есть. Домовые двери позволяют нам уединиться до полного одиночества. Благодаря им, дом становится основной формой приватизации пространства.

Основная функция домовых дверей — охранение партикулярной территории и защита прав личности и собственности. Поэтому несанкционированное вторжение в приватную сферу дома или отдельной комнаты — всегда скандал. Скандалящие оттого хлопают дверью, что им на нее указывают как на нарушенную границу. Хлопанье дверью означает, что нас не приняли как *своих*, что мы здесь (в задверии) *чужие*. Хлопок дверью также означает, что вторжение с самого начала было бесцеремонным: дескать, как открыл, так и закрыл! Хлоп!

Хлопнуть дверью — то же самое, что открыть дверь пинком (формула бесцеремонного вторжения). Разница только в направлении движения. Пинком в дверь — не просто грубое нарушение границы, ее символический взлом. Это, прежде всего, — демонстрация своего пренебрежения к задверию. Отношение к двери дома во всех культурах отождествляется с отношением к его хозяевам — задверным жителям. Бросить камень в ворота или стегануть дверь хлыстом — значит выказать агрессию; плюнуть в дверь — значит проклясть; вымазать ворота дегтем — значит опозорить (например, невесту

перед свадьбой). Акт насилия над дверью — наиболее распространенный вид насилия, самым мягким из которых является *стук* в дверь («Стучите, и отворится!»). В дверь также можно требовательно барабанить, а можно просто взломать. «Хоть ноги изломать, а дверь выставить», — гласит русская пословица. Самые кровавые преступления в истории человечества обычно начинались со взлома дверей и городских ворот. Поэтому «кража со взломом» в уголовном праве считается одним из самых серьезных и общественно опасных видов преступления. Двери, как говорится, все вынесут.

Соответственно, восстановление частного порядка также происходит посредством отсылки к двери. Модальности этой отсылки разнообразны: от вежливого указания на дверь («за-кройте дверь с обратной стороны!») до силовых мероприятий — выставления или вышвыривания за дверь, спуска с лестницы и т. п.

Что же касается вторжения в сферу сакрального, то здесь дверь оказывается скорее проводником, нежели препятствием. Дверь в сакральный мир держится открытой. Она и образуется как простое раскрытие сокрытого — как *откровение*. «Я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить ее», — говорит Христос (Откр. св. Иоанна. 3, 8). Кстати, открытые двери (при закрытых окнах) — один из элементов похоронных обрядов. У хорватов, которые укладывали покойника на снятую с петель дверь, последняя самым непосредственным образом становилась проводником в загробный (т. е. задверный) мир⁵. Справедливости ради стоит сказать, что образ раскрытой мистической двери характерен в большей степени для монотеистических эгалитарно ориентированных религий. Древние языческие культы отдавали предпочтение дверям закрытым. Крышка гроба, могильная плита, гробница, насыпной курган, пирамида, наконец, запутанный лабиринт представлялись вполне надежными способами закупорки задверного мира и оберега покоя как умерших, так и своего собственного. Оберегом какой стороны мира в большей степени был озабочен древний человек, нам пока трудно сказать. Важно другое — то, что за всем этим стоит сакрализация дверного проема. Мистическая дверь — это дверь между

⁵ См.: Толстая, С. М. Указ. соч.

жизнью и смертью (или посмертной жизнью). Соответственно, прохождением через дверь символизировалось два самых значимых процесса — рождение и умирание, а так же возрождение к новой жизни. Об этом красноречиво свидетельствуют инициальные *обряды перехода*, в которых прохождению через дверь (порог) придавалось первостепенное значение⁶. Шагнуть в дверь — значит родиться в новый (иной) мир. Неслучайно, что открытие дверей и окон рассматривалось как магическое средство для облегчения родов. Что говорить, если само рождение, как выход из родовых путей, символизировалось как переход за/через дверь. «Какой зверь из двери выходит, а в дверь не входит?» — спрашивается в загадке.

Сакрализация задверного мира заставляет человека, стоящего у порога, в дверях, испытывать священный страх и трепет, профанация — совершать кражу со взломом. При этом не имеет значения, что крадется — частная собственность или личное время. Дверь охраняет и бережет, пока мы сами в этом участвуем. Она участливо открывается перед нами или, наоборот, недружелюбно захлопывается в зависимости от нашего местопребывания и участия в бытии. Событие двери — в событии перехода, а значит и участвующего в нем человека: в событии стука, поиска ключа и отпирания замка, в событии просьбы и разрешения, мольбы и благодушного откровения. Дверь по-своему связывает божества и смертных, небо и землю. Раскрывшись, она впускает, впусив, охраняет. Дверь участвует в сложном лабиринте жизни. Лабиринт же (в одном из своих значений) представляет собой сложно устроенную машину заблуждения, имеющую структуру вход/переход/выход. Лабиринт начинается с двери и ею же заканчивается. Это особый мир *междудверия*. По сути, это многократно искривленный и запутанный туннель, а последний — растянутая «в глубину» дверь⁷. В силу данного обстоятельства прохождение лабиринта в инициальных об-

⁶ См.: Геннеп, А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М. : Восточная литература, 2002.

⁷ Подробнее см.: Разинов, Ю. А. На пути к Минотавру: к семантике лабиринта // Философия, общество, культура : сб. науч. ст., посвященный 70-летию профессора В. А. Конева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 277–287.

рядах подобно прохождению через дверь. Лабиринт — это просто более сложная модель двери, понятой в качестве места перехода. Прохождение лабиринта означало рождение в новый мир. Заблудиться в лабиринте — то же самое, что застрять в дверях. Застрять в дверях — все равно, что стать затычкой в границе, которую дверям предназначено открывать. Все равно, что самому стать границей. Человеческий же удел, как об этом давно сказали философы, — в трансцендировании границ. В этом смысле человек сам есть дверь — место пребывания и сообщения других миров.